

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 622.33.000.93

Р.С.Бикметов

ТРУДОПОСЕЛЕНЦЫ НА ШАХТАХ КУЗБАССА (1930- СЕРЕДИНА 1950 ГГ.)

Кузбасс сегодня является крупнейшим промышленным регионом страны, имеющим на своей территории крупнейшие металлургические, химические, машиностроительные и угледобывающие предприятия. Его продукция известна далеко за его пределами. Но главным богатством Кузбасса являются его люди, простые труженики, которые своим самоотверженным трудом на "голом месте" создали этот мощный экономический потенциал, постепенно наращивали его экономический потенциал.

В их числе следует выделить такую социальную категорию населения как трудопоселенцы, прошедших нелёгкий путь в составе так называемого спецконтингента.

Вчерашние крестьяне европейской части страны, насильственно оторванные от своих земель и высланные в далёкую Сибирь, лишённые всех гражданских прав и расселённые в спецпосёлки, они были в числе первых строителей мощной промышленной базы на востоке страны и долго время составляли основной костяк высококвалифицированных шахтёрских кадров. Появление их в Кузбассе связано с началом освоения нашего угольного региона.

За годы довоенной индустриализации на территории Кузбасса вырос крупнейший многоотраслевой промышленный регион, охвативший ряд областей Урала и Западной Сибири. Была реализована задача создания Урало-Кузнецкого комбината. Одной из базовых отраслей этого комплекса стала

угольная промышленность Кузбасса.

Возросшие масштабы и темпы угледобычи требовали и соответствующих изменений в строительстве шахт и развития отдельных рудников, входивших в состав комбината «Кузбассуголь». Были пересмотрены первоначальные цифры, упор был сделан на более мощные шахты. В годы первой пятилетки в Кузбассе вошло в эксплуатацию 24 шахты, суммарная мощность шахтного фонда возросла в 3,5 раза - с 3 до 9,7 млн. тонн [1]. Среди них крупные шахты: «Чёрная гора», «Манеиха», имени 7-го ноября, № 5/6, «Пионер», «Комсомолец», «Журинка -3», «Капитальная» и др. Средняя мощность одной шахты составляла уже 350 тыс. тонн в год вместо 200 тыс. тонн на начало пятилетки [2].

За годы второй пятилетки в бассейне было построено ещё 20 шахт с проектной мощностью 13,4 млн. тонн угля в год. Среди них крупнейшими являлись № 3-3 бис и «Коксовая» в г. Прокопьевске, имени С.М. Кирова в г. Ленинск-Кузнецкий. Началось строительство новых крупных шахт: «Северная» в г. Кемерово, «Капитальная» в г. Киселёвске, «Байдаевская» в г. Сталинске. В 1937 г. Кузбасс обеспечивал 75,4% всей добычи угля в Сибири [3].

Увеличение масштабов и темпов угледобычи в Кузбассе в 1930-е годы неизбежно повлекло за собой и рост численности шахтёрских кадров. Полное отсутствие инфраструктуры, дефицит жилья, тяжёлые условия труда порождали высокую тек-

учесть шахтёрских кадров. Несмотря на направление на шахты бассейна выпускников горнопромышленных школ, вольный наём и оргнабор рабочей силы при ограниченности местных людских ресурсов, не обеспечивали потребность в шахтёрских кадрах [4, с.139].

Не случайно в этот период был взят курс на использование принудительного и относительно дешёвого труда сначала спецпереселенцев, а затем и заключённых, для которых не требовалось создания особых жилищно-бытовых условий. Ограбленных крестьян, выселенных из родных мест и лишённых возможности заниматься земледелием, нужно было сломить, поставить в нечеловеческие условия и насилием заставить работать на «благо народа».

Уже в начале 1930-х годов кадровый состав шахтёров и шахтостроителей стал пополняться за счёт спецпереселенцев (с 1933 г. их стали называть трудопоселенцами). Только в июле-августе 1931 г. из Башкирии в Кузбасс прибыло 5000 семей спецпереселенцев. Из них 2000 семей было направлено на Анжерские копи, а 3000 - на строящиеся шахты Прокопьевского рудника [5, с.48]. За 1930 - 1932 гг. из разных районов СССР в Кузнецкий угольный бассейн прибыло 23630 таких семей с общей численностью 61000 человек, из них большинство трудоспособных направлено в угольную и металлургическую промышленность [6].

Комбинату «Кузбассуголь» в сентябре 1933 г. было переда-

но 41512 трудоспособных трудопоселенцев, что составило до 40% всей рабочей силы, занятой в угольной промышленности Западно-Сибирского края, в том числе и на угледобыче [7, с.127; 8]. На некоторых участках работ удельный вес трудопоселенцев среди всей рабочей силе в 1933 г. доходил до 65-77% (шахты «Поварниха» и «Манеиха» в г. Прокопьевске). Как отметила Западно-Сибирская краевая комиссия, роль трудопоселенцев в угледобыче значительная, а в ряде случаев - решающая [9].

Для расселения спецпереселенцев были определены, в основном, два района: Кузнецкий и Горно-Шорский, в пределах которых выделены соответствующие участки земли с расчётом организации спецпосёлков до 60 хозяйств.

Управление в этих спецпосёлках осуществляли уполномоченные и поселковые коменданты, которые в материальном отношении были обеспечены лучше, чем председатели сельсоветов[10]. Им давались права сельского совета. В 1933 г. ОГПУ СССР была разработана инструкция «О мерах воздействия на самовольные отлучки с работ, посёлков и побеги с мест расселения». Самовольный уход с работы или из посёлка без разрешения, продолжавшийся до одних суток, рассматривался как отлучка, свыше одних суток - как побег. Самовольная отлучка, совершённая повторно, расценивалась уже как побег [11].

Уже в 1933 г. направление спецпереселенцев на шахты осуществлялось в соответствии с договором, заключенным руководством «Кузбассугля» и Сиблага [12], согласно которому трудоспособные спецпереселенцы передавались угольным предприятиям как рабочая сила и не имели права без разрешения второго покинуть пределы расположенных вокруг шахт спецпосёлков, где уполномоченные спецкомендатуры строго контролировали соблюдение режима проживания.

В соответствии с условиями

заключаемых договоров угольные предприятия должны были предоставлять трудопоселенцам и членам их семей жилые помещения на общих основаниях и по общим нормативам, но не менее 3 м² на человека, а семьям, не имеющим жилья, - отдельные комнаты в бараках и общежитиях. Однако, в условиях остройшего дефицита жилья, первоначально администрация строящихся шахт порой ограничивалась лишь выделением подручного стройматериала. Первые спецпосёлки представляли собой большие массивы малоприспособленных для жилья помещений без окон и печей, сделанных наспех плетёно-засыпных бараков, а то и просто шалашей и землянок.

Значительная часть бараков и стандартных домов к проживанию в зимних условиях была не подготовлена, так в деревянных и фанерных бараках посёлка Тырган вовсе отсутствовали печи. В 38 бараках, построенных для трудопоселенцев посёлка Берёзовая Роща, из-за осадки стен, сложенных из дерновых пластов, образовались аршинные щели. Качество строительных работ при возведении бараков для трудопоселенцев, было крайне низким, стены засыпались сырой землёй, крыши возводились без подшивы, из-за отсутствия у крыши навесов размывались стены [9, с.157,159].

Новое строительство и ремонт жилищ трудопоселенцев были сорваны из-за отсутствия исчерпывающих мер по обеспечению работ стройматериалами, использованием рабочей силы на других объектах, вялости темпов строительства и технической безнадзорности работ. Только в 1933 г. из ассигнованных «Кузбассуглю» 1250 тысяч рублей на жилищное, коммунальное и культурное строительство для трудопоселенцев на местах было получено только 855 тысяч рублей (64%), из них освоено не больше 30% [12].

Предприятия также должны были обеспечить трудопоселен-

цев постоянной работой, инвентарём, инструментами, транспортом, механизмами и материалами. Условия труда, обеспечение спецодеждой, продолжительность рабочего дня, количество дней отдыха и отпусков, нормы выработки должны были в соответствии с договором быть такими же, как и у других категорий рабочих. На руки всем трудопоселенцам выдавались расчётные книжки, где отражалась их заработка плата. До апреля 1939 г. все расчётные (трудовые) книжки трудопоселенцев имели особую отметку «трудопоселенец» и только после указания ОИТК и ТП УНКВД по Новосибирской области были заменены обычными, как и у всех рабочих [13].

В соответствии с условиями договора работа трудопоселенцев на предприятиях угольной промышленности региона была организована и велась под техническим руководством горных инженеров предприятий. Все трудопоселенцы проходили инструктаж по технике безопасности и в случае мелких травм получали медицинскую помощь на самом производстве. За хороший труд трудопоселенцам полагалась прогрессивная и премиальная оплата труда. При этом местным органам НКВД перечислялось в разные годы от 5 до 25% заработка спецпереселенцев. Поэтому они, в определенной мере, были заинтересованы в сохранении трудового фонда трудопоселенцев, в поддержании более или менее сносных жилищно-бытовых условий данной категории рабочих [4,с.143].

Распоряжением Отдела рабочих кадров и зарплаты Наркомугля СССР все коменданты и помощники комендантов спецпосёлков, обслуживающих спецпереселенцев, в целях обеспечения продуктами питания и промтоварами, были прикреплены к закрытым торговым сетям угольных трестов [14].

Всем комендантам для служебных целей были предоставлены помещения с коммуналь-

ными услугами, бесплатное жильё, средства связи и транспорт.

По условиям договоров коменданты трудовых посёлков НКВД и руководство предприятий должны были оказывать друг другу полное содействие в проведении мероприятий, направленных на повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины. При этом ежемесячно в комендатуру с шахт передавались сведения о трудовом использовании трудопоселенцев, об их зарплате, нормах выработки, участии в социалистическом соревновании [15].

Трудопоселенцам же предприятие должно обеспечить наравне с остальными рабочими бытовое обслуживание (бани, прачечные, детские сады, ясли) и организовать снабжение трудопоселенцев, членов их семей продуктами питания через столовые на производстве и промтоварами через соответствующие торговые организации.

Однако положения договора об обеспечении одинаковых условий труда и быта для спецпереселенцев и вольнонаёмных рабочих очень часто нарушались. Наблюдались произвольное снижение норм снабжения трудопоселенцев основными продуктами и товарами, незаконное снятие со снабжения отдельных лиц, недостаточная развёрнутость и низкое качество общественного питания.

В ряде случаев, по сравнению с другими рабочими, для спецпереселенцев удваивались нормы выработки. Для подростков, для нетрудоспособных лиц, беременных женщин устанавливались такие же нормы, как и для здоровых мужчин [4, с.143; 9, с.152,164,188-189].

Согласно положениям договора перевод трудопоселенцев из одного посёлка в другой, в том числе и по производственной необходимости, осуществлялся только по согласованию с органами НКВД. Переданные предприятиям угольной промышленности спецпереселенцы не могли быть сняты с работы

без разрешения ГУЛАГа НКВД. В свою очередь, органы НКВД за несоблюдение предприятием ряда пунктов договора могли снять последних с работы и передать их другим предприятиям и организациям, за месяц предупредив об этом начальника предприятия. Руководство шахт и спецкомендатуры принимали профилактические меры в виде ежедневных отметок у коменданта, чтобы предотвратить побеги с мест поселения.

11 декабря 1939 г. СНК СССР принял постановление за № 2031-568 с/с «О временных жилых постройках вблизи железных дорог», согласно которому спецпосёлки и дома спецпереселенцев, расположенные недалеко от железной дороги, следовало перенести от неё на расстояние 5 км. Для этой цели всем трудопоселенцам, попавшим в полосу переселения, Кузнецким угольным комбинатом было решено выделить кредит. Так, на территории треста «Сталинуголь» подлежали переносу посёлки Голубевка и частично Чёрная гора, поэтому тресту было выделено 350 тысяч рублей для переноса жилья спецпереселенцев [16].

Руководство комбината обязало всех управляющих трестами лично контролировать ход работ по переселению людей и обеспечить освоение всех отпущенных кредитов уже к декабрю 1940 г., ибо в случае низких темпов строительства трудопоселенцы могли быть сняты с работы и переброшены в другие отрасли народного хозяйства региона. Поэтому надлежало оказать активную помощь трудопоселенцам как стройматериалами, так и транспортом и рабочей силой для организации перевозок строений на новые площадки. Денежные суммы и стройматериалы отпускались и тем трудопоселенцам, кто изъявил желание начать строительство индивидуальных домов на специально отведённых для этого площадках.

В качестве стройматериала шахты отпускали людям тонко-

мер, отходы от других лесоматериалов, непригодных к использованию в шахтах в качестве крепёжного материала, а также специально заготовленные берёзу и осину.

Широкое распространение получила практика отпуска трудопоселенцам леса, поднятого из шахт, в связи с непригодностью его дальнейшего использования в производственных целях. Кроме того, отпускались и лесоматериалы для ремонта и поддержания тех временных жилищ трудопоселенцев, которые могут ещё простоять 1-2 года [17]. При этом был организован учёт всех лесоматериалов, отпущеных трудопоселенцам.

О повсеместном переноса жилья говорит и тот факт, что только по тресту «Сталинуголь» трудопоселенцам на выданный кредит предстояло построить 418 домиков. Кроме того, ещё 50 домиков должны были возвести трудопоселенцы, изъявившие желание строить жильё своими силами за свой счёт. Для них было выделено 11700 кубических метров леса [18].

При этом руководству шахт рекомендовалось отводить места для строительства индивидуального жилья на такой территории, где в ближайшие 3-5 лет не угрожали обвалы после выемки угля. Все застройщики при этом обязательно предупреждались о приблизительном сроке сноса их жилья [18]. Планировалось, что к середине июля 1941 г. завершат строительство в тресте 125 семей, а 170 человек построят свои дома к 20 августа текущего года.

Однако 23 июня 1941 г. в связи с началом войны всё финансирование было прекращено. Трудопоселенцы смогли получить только 80% выделенной ссуды [19]. Ситуация осложнилась и в связи с тем, что уже весной 1940 г. временные жилые помещения, землянки и полуzemлянки, построенные при шахтах в 1932-1933 гг., начали разваливаться.

Так, только в одном посёлке Афонино рухнуло два барака,

пришли в полную негодность ещё 14 бараков, в которых 117 семей трудопоселенцев продолжали жить, ежеминутно ожидая участи быть погребёнными под завалами дома. Руководство шахт и треста «Кагановичуголь» обещало помочь жильцам этих бараков лесоматериалами для ремонта и начать строительство новых бараков, однако не спешило с оказанием помощи. Только после вмешательства местных органов НКВД были приняты меры по переселению людей, из спецпосёлков были выведены все проживавшие там ранее семьи вольнонаёмных рабочих [20].

Но предпринятые меры не могли в целом изменить ситуацию к лучшему. Чрезмерное уплотнение семей трудопоселенцев в спецпосёлках снижало нормы жилья на человека, что являлось нарушением договора между хозорганом и местными органами НКВД. Не дала должного эффекта и попытка обмена постройками между трудопоселенцами и вольнонаёмными рабочими, так как рабочих не привлекала перспектива переселения в ветхое и малоприспособленное жильё. В итоге часть трудопоселенцев в октябре 1940 г. была снята с шахт треста «Прокопьевскуголь» и переведена на шахты треста «Кемеровоуголь». Руководство треста «Прокопьевскуголь» не смогло обеспечить жильём всех трудопоселенцев, закреплённых за шахтами, несмотря на неоднократные предупреждения органов НКВД [21].

Сами трудопоселенцы, оказавшись в тяжёлых жилищных условиях, также по-разному воспринимали данную ситуацию.

Часть из них продолжала честно трудиться на угольных предприятиях, терпеливо снося невзгоды, выпавшие на их долю. Они надеялись, что будут освобождены от спецпоселения, так как за время нахождения в спецпосёлке ничем себя не опорчили и честно трудились. Такой вариант их освобождения

был предусмотрен в соответствии с циркуляром НКВД СССР от 19 июня 1941 г. за № 38.

Частично сбылись надежды людей только в отношении их детей, достигших 16-летнего возраста. В соответствии с постановлением СНК СССР за № 1143-280/с от 22 октября 1938 г. дети трудопоселенцев, достигнув данного возраста, получали паспорта на общих основаниях и могли покинуть трудпосёлки.

Практически этим правом сумели воспользоваться немногие подростки, так как сотрудники спецкомендатур, не получив своевременно соответствующих разъяснений от вышестоящих инстанций, не обременяли себя дополнительными хлопотами [22; 7, с.129].

В 1938-1941 гг. местные органы власти разрешили некоторым бывшим кулакам, восстановленным в избирательных правах до 1935 г., покинуть трудпосёлки и выехать в избранные ими места жительства. Кроме того, этим правом воспользовались трудопоселенцы, получившие инвалидность на производстве. В соответствии с распоряжением НКВД СССР «Об освобождении трудопоселенцев-инвалидов», принятым 3 июня 1939 г., они также могли беспрепятственно покинуть пределы спецпосёлка и выехать из данного региона [7, с.129].

Однако, как показала практика, только небольшое количество трудопоселенцев было освобождено от спецпоселения согласно данным предписаниям [23]. Часть трудопоселенцев предпринимала попытки бегства вместе с семьями с территории спецпосёлков. Нередко эти побеги увенчались успехом [24].

Многие трудопоселенцы в период замены трудовых книжек под разными предлогами увольнялись с угольных предприятий и устраивались на работу в другие организации. Однако их быстро выявляли, так как они проживали на территории спецпосёлка и находились на учёте в спецкомендатуре, и

вновь возвращали работать на предприятия Наркомугля [25].

В г. Прокопьевске часть рабочих воспользовалась тем, что Прокопьевская участковая комендатура приступила к освобождению от трудопоселения спецпоселенцев по личной договорённости (документы умалчивают о том, что понималось под «личной договорённостью»). Им на руки выдавались паспорта при условии, что в течение 24 часов они должны выехать из Прокопьевска, как из режимного города.

Данная форма освобождения от спецпоселения приобрела в указанном городе массовый характер. С шахт стали уходить семьями уже квалифицированные рабочие. Руководство трестов и шахт города, резко обеспокоенное большой утечкой рабочих кадров, категорически потребовало от местных органов НКВД немедленно прекратить подобное выселение спецпереселенцев из города [26].

Спецпереселенцы после ввода шахт в эксплуатацию существенно пополнили трудовые ресурсы угольных предприятий. 2874 трудопоселенца в г. Прокопьевске и 1020 трудопоселенцев в Анжерке уже к 1933 г. освоили основные горные специальности (забойщиков, помощников забойщика, крепильщиков, мотористов).

Вместе с тем, несмотря на острый недостаток рабочей силы на угледобыче, значительная их часть часто использовалась на посторонних работах, не связанных непосредственно с угледобычей. Так, в г. Прокопьевске 3714 трудопоселенцев (25% от общего числа работающих) были разбросаны по 49 объектам работы [7, 23]. За сравнительно небольшой период многие из них прошли путь от простого землекопа на строительстве шахты до моториста или стволового, обслуживающего сложные подъёмные механизмы и горные машины. Отрасль приобрела в их лице уже квалифицированных рабочих.

Так, по договору между

комбинатом «Кузбассуголь» и УИТЛК НКВД Новосибирской области от 10 мая 1941 г. комбинату в качестве квалифицированной рабочей силы передавалось 49459 трудопоселенцев [27]. Если исходить из того, что непосредственно на производстве использовалось около 70% (исключались старики, дети до 12 лет, женщины с малолетними детьми) присланных, т.е. около 35 тысяч человек, а всего по комбинату в 1940 г. насчитывалось 47439 рабочих по эксплуатации, удельный вес спецпереселенцев среди кузбасских шахтёров был довольно высок [4,с.143].

На угольных предприятиях Кузбасса получила распространение и практика использования труда так называемых «тылоополченцев» - лиц призывного возраста из семей, лишённых избирательных прав.

Казарменный режим, обезличивание труда, результаты которого часто приписывались вольнонаёмным лицам, однообразная и утомительная работа и ограниченная свобода создавали тяжёлую психологическую атмосферу в среде тылоополченцев. Труд тылоополченцев также был одной из разновидностей принудительного милитаризованного труда [4, с.144; 28].

В годы войны трудопоселенцы продолжали работать на шахтах Кузбасса. Они уже имели за плечами производственный опыт и определённую шахтёрскую специальность - горных мастеров, мотористов, машинистов электровозов, забойщиков, проходчиков. Но с началом войны часть их на основании специального распоряжения НКУП СССР была отстранена от работы на механизмах и заменена кадровыми рабочими, переброшенными с других работ, и женщинами, наспех обученными работе на механизмах через курсовую сеть при шахтах [29]. В целом же, в суровые военные годы использование труда трудопоселенцев на шахтах Кузбасса не претерпело существенных изменений.

Сохранилась прежняя практика перезаключения договоров ОТСП УНКВД по Новосибирской области с угольными комбинатами и трестами о передаче им в качестве рабочей силы работающих на их предприятиях трудопоселенцев [30; 4,с.155].

Согласно этим договорам предприятия комбината обязывались соблюдать режим содержания трудопоселенцев в спецпосёлках, без разрешения ГУЛАГа НКВД СССР запрещалось снимать их с работы, увольнять с предприятия или переводить в другие организации. Однако из-за небрежного ведения учёта трудопоселенцев, предприятия сами нередко нарушили эти требования. Так, шахта имени Ворошилова уволила 17 трудопоселенцев, шахта «Восточная» - 11 трудопоселенцев, выдав при этом им на руки справки, что они не являются трудопоселенцами [31].

Основная масса трудопоселенцев использовалась в шахтах на подземных работах. Так, из 1410 трудопоселенцев, работавших в январе 1942 г. на шахтах треста «Сталинуголь», 90% использовалось на подземных работах. Из них 337 человек работали забойщиками, 122 - электрослесарями, 74 - крепильщиками, 75 - лесодоставщиками, 42 - проходчиками, 389 - горнорабочими и т. д. [32].

В использовании трудопоселенцев были заинтересованы и другие отрасли.

В условиях острого дефицита рабочих кадров в угольной промышленности региона 11 марта 1942 г. Новосибирский ОК ВКП (б) и облисполком приняли постановление об отзыве из Кузбасса 1000 рабочих трудопоселенцев на рыбные промыслы Нарыма [33].

Только оперативное личное вмешательство Наркома угольной промышленности СССР В. Вахрушева, давшего указание руководству комбинатов приостановить отправку рабочих, позволило избежать негативных последствий в кадровой поли-

тике и угледобыче. За исключением трестов «Кемеровоуголь» и «Ленинуголь», все остальные к этому времени уже начали отправку своих рабочих согласно поступившей разнарядке. В результате этого административного решения с шахт Кузбасса в Нарым к этому времени было отправлено 277 высококвалифицированных рабочих-трудопоселенцев [34].

Уже в первые месяцы войны многие трудопоселенцы, работавшие на шахтах, обратились с заявлениями в местные районные военкоматы с тем, чтобы их направили на фронт. Но в течение первых восьми месяцев войны оставалось в силе указание ГУ РККА от 27 февраля 1940 г., запрещавшее призыв трудопоселенцев на военную службу, и первоначально отправки на фронт добивались наиболее настойчивые трудопоселенцы и совершилолетние члены их семей.

Начиная с 1942 г., отношение к использованию спецпереселенцев в действующей армии начинает меняться, следовательно, сокращается возможность их использования на шахтах Кузбасса. В соответствии с постановлением ГКО за № 1575 с/с от 11 апреля 1942 г. подлежали призыву в Красную Армию 35000 детей бывших кулаков, прошедших тщательный отбор, затем эта численность была доведена до 50000 человек. После согласования с местными органами НКВД данных кандидатур их полностью снимали со спецпоселения и отправляли добровольцами в действующую армию.

22 октября 1942 г. издан приказ НКВД СССР за № 002303, предписывавший в месячный срок снять с трудопоселения всех трудопоселенцев, призванных в Красную Армию и членов их семей. Но снятие это происходило с большой задержкой. Затем, в 1942 г. все лица призывного возраста, годные к военной службе, из числа трудопоселенцев были сняты со спецпоселения и направлялись

на фронт, за исключением угольщиков забойной группы и квалифицированных рабочих, за которыми была закреплена броня на всех шахтах Кузбасса [7,с.130-131; 35]. Кроме того, на основании директивы НКВД СССР от 25 мая 1944 г. с учёта спецпоселений снимались дети трудопоселенцев, направленные в школы ФЗО и ремесленные училища [7,с.133]. Оставшиеся на шахтах трудопоселенцы продолжали трудиться, разделяя вместе со всеми выпавшие трудности и невзгоды.

Однажды с автором поделился своими воспоминаниями Заслуженный шахтер России, Герой Социалистического Труда, бывший генеральный директор комбината «Кузбассуголь» В.П. Романов, в годы войны возглавлявший шахту № 3 треста «Кагановичуголь». Он характеризовал трудопоселенцев как людей, всегда работающих с большой отдачей на производстве, на которых можно было положиться, даже в самые трудные и критические дни повышенной угледобычи на шахте. Они всегда были в числе лучших рабочих шахты. Трудопоселенцы часто работали на грани риска в экстремальных условиях при изношенной технике, стремясь выдать «на-гора» дополнительно сверхплановый уголь. Поэтому, неслучайно, в числе шахтёров, погибших на угольном производстве в 1941-1945 гг., значатся имена 145 рабочих - трудопоселенцев [36].

В целях повышения угледобычи в 3-4 кварталах 1943 г. (постановление ГКО № 960 с/с от 19 августа 1943 г.) на шахты Кузбасса были направлены дополнительные отряды спецконтингента, в том числе и трудопоселенцы.

Из числа работающих в сельском хозяйстве, промысловых артелях, госучреждениях и предприятиях не оборонного значения в Кузбасс из разных регионов страны было мобилизовано 7000 трудопоселенцев, в том числе из самой Кемеровской области 500 человек, Но-

восибирской области -1000 человек.[37].

В соответствии с указанным постановлением и директивой НКВД СССР за № 429 от 26 августа 1943 г. подлежали мобилизации до конца войны трудопоселенцы в возрасте от 18 до 55 лет, работающие в сельскохозяйственных и кустарно-промышленных артелях, совхозах, подсобных хозяйствах, госучреждениях, конторах и на предприятиях необоронного значения [38].

В соответствии с приказом НКУП СССР за № 269/с от 28 августа 1943 г. поступающий в Кузбасс контингент трудопоселенцев был распределён следующим образом. По 2500 человек получили комбинаты «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь», 2000 человек направили на строительство шахт в комбинат «Кузбассшахтострой»[39]. При этом руководителям трестов и шахт рекомендовалось распределить поступающих новых рабочих из числа трудопоселенцев по шахтам с учётом необходимой концентрации их на отдельных лавах и шахтах во главе с вольнонаёмным административно-техническим персоналом.

Однако данное пополнение шахт рабочими из состава спецконтингента не решало всех проблем по обеспечению шахт рабочей силой, сохранялся острый дефицит рабочих кадров.

Поэтому руководство угольных комбинатов предложило начальникам шахт, цехов и отделов трестов к декабрю 1943 г. составить именные списки по учёту трудопоселенцев, как работающих на шахтах, так и не работающих в системе Наркомугля СССР, но проживающих на территории шахтных посёлков.

С помощью местных органов НКВД, районных и поселковых комендатур были выявлены и взяты на учёт все трудопоселенцы, не работающие в угольной промышленности Кузбасса [40]. Только по г. Прокопьевску было выявлено 570

трудопоселенцев, которые в перспективе также подлежали направлению для работы на шахтах [41]. Прибытие на шахты Кузбасса в 1944 г. новых категорий спецконтингента устранило и необходимость дополнительного привлечения трудопоселенцев в угольную промышленность региона.

После окончания войны, в условиях большого притока на шахты новых категорий спецконтингента из числа депатриантов, военнопленных, власовцев, наблюдается резкое снижение количества трудопоселенцев, находящихся на учёте местных органов МВД СССР.

Уже в годы войны согласно постановлению НКВД СССР от 25 сентября 1942 г. стали освобождать от спецпоселения семьи трудопоселенцев, чьи дети погибли, героически защищая Родину [42].

28 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР № 00868/208 с/с «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков».

В соответствии с этим приказом освобождались от спецпоселения бывшие кулаки, чьи дети находились в рядах Красной Армии, участники Отечественной войны, а также лица, награждённые правительственные наградами [7,с.133].

В первые послевоенные годы было освобождено от ограничений спецпоселения 8132 семьи по мотивам службы их членов семей в Советской Армии. 3439 человек получили освобождение членов семей в связи с их награждением орденами и медалями Советского Союза [43]. Освобождению подлежали и женщины, вступившие в брак с лицами, не являющимися спецпереселенцами. В период с 1944 г. по май 1953 г. по данным мотивам и по достижению 60-летнего возраста было освобождено от спецпоселения из числа трудопоселенцев 49513 человек [44]. По состоянию на 1 мая 1953 г. в Кемеровской области оставалось на учё-

те спецпоселения из числа раскулаченных лиц 7687 человек взрослого населения [45].

Как в годы войны, так и в послевоенные годы подавляющее большинство бывших «кулаков» честно относились к труду, активно участвовали в выполнении народно-хозяйственных планов. Так, на шахтах треста «Кагановичуголь» все 1019 трудопоселенцев выполнили производственные задания 1948 г. На шахтах трестов «Кузнецкуголь» и «Куйбышевуголь» только 81 из 3313 трудопоселенцев по разным причинам не справились с заданием 3 квартала 1948 г. [46].

В 1948 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР за многолетнюю и безупречную работу в угольной промышленности Кузбасса орденами и медалями Советского Союза было награждено 1927 трудопоселенцев. Звание «Мастеров угля»

было присвоено 216 трудопоселенцам [46]. 88 человек из числа трудопоселенцев удостоены звания «Почётный шахтёр», многие являлись стахановцами на своих шахтах. Из 4020 семей трудопоселенцев, состоящих на учёте местных органов МВД СССР на 1 мая 1953 г., 3493 семьи имели собственные дома, приусадебные участки, скот.

Учитывая это, Кемеровский ОК КПСС и областной Совет депутатов трудящихся в 1949 г. и в июне 1950 г. возбуждали ходатайства перед Советом Министров СССР о снятии ограничений с бывших кулаков [47].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. за № 1738-789 с/с [7,с.143-144] и приказом министра внутренних дел СССР за № 00713 от 20 августа 1954 г.[7,с.144-145] в Кузбассе были сняты с учёта 4267 трудопоселенцев.

По данным на 1 июля 1955 г. среди состоящих в Кузбассе на учёте спецпоселенцев бывшие раскулаченные лица уже не значились [48]. Таким образом, только в послевоенные годы были сняты все ограничения на трудопоселенцев, которые в Кузбассе строили шахты, составив затем основной костяк его шахтёрских кадров. Трудопоселенцы, став опытными, квалифицированными кадрами, внесли значительный вклад в развитие угольной промышленности Кузбасса.

Сегодня на многих угольных предприятиях области успешно работают их дети и внучки, преумножая славу нашего угольного региона. На многих шахтах сложились целые горняцкие династии, основанные ещё в далекие тридцатые годы "бывшими кулаками".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). – Кемерово, 1995. – С. 81 – 83.
2. Леухова М.Г. Строительство шахт и развитие угледобычи в Кузбассе в годы 1-й пятилетки // 50 лет Великой победы: Тез. науч. конф. - Кемерово, 1995. - С. 93.
3. Леухова М.Г. Угольный Кузбасс в годы первых пятилеток // 55 лет Кемеровской области: Материалы науч. практ. конф. 27 янв. 1998 г. - Кемерово: Кузбассвязьиздат, 1998. - С. 120.
4. Угольная промышленность Кузбасса (1721-1996 гг.). - Кемерово, 1997.
5. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931- начало 1933 гг., Новосибирск, 1993. - С. 48.
6. Неизвестный Кузбасс (1943-1991 гг.). Сборник архивных документов. Вып. 1, Кемерово, 1993. - С. 29-30.
7. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954 гг.) // Отечественная история. -1994. - № 1.
8. ГАКО. Ф. П-27. Оп.2. Д. 31. Л. 50.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933-1938 гг. Новосибирск: Экор, 1994. - С. 150 -151.
10. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 272. Л. 305.
11. Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). - Томск, 1993. - С. 13.
12. ГАКО. Ф. П-27. Оп. 2. Д. 31. Л. 51.
13. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
14. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.
15. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 92-93.
16. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 33, 85; Д. 15. Л. 10.
17. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 6. Л. 89; Д. 10. Л. 33, 185; Д. 15. Л. 59.
18. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 187.
19. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 96.
20. ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 9. Л. 35, 59.
21. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 33, 123-124; Д. 14. Л. 124 и др.
22. Архив ГУВД Кемеровской области, Ф. 5. Д. 13192. Л. 21-21 (об). Д. 19725. Л.9; Д. 30000. Л. 9.
23. ГАКО. Ф. 5. Д. 38198. Л. 7; Д. 38200. Л. 15.
24. ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 4. Л. 6, 8.
25. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.
26. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 10. Л. 88-89.

27. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 15. Л. 91.
28. Леухова М.Г. Тылоополченцы на строительстве второй угольной базы Кузбасса // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность. - Кемерово. 1997. - С. 68.
29. ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 17. Л. 148, 190-192; Ф. Р- 444. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 и др.
30. ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 15. Л. 6-8; Ф. Р-177. Оп. 8. Д. 10. Л. 1-3; Ф. Р-210. Оп. 3. Д. 50. Л. 205;
31. ГАКО. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 25. Л. 43; Ф. Р- 415. Оп. 1. Д. 46. Л. 43 и др.
32. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
33. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 665-б. Л. 21-23.
34. ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 8. Д. 10. Л. 8, 11-14, 16-18,21-23 и т.д.
35. Архив ГУВД Кемеровской области, Ф.5. Д. 14169. Л. 42; Д. 20760. Л. 74; Д. 30261. Л. 36, 39, 42, 46.
36. Книга Памяти Шахтёров Кузбасса, погибших в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., М., Недра, 1995.
37. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 2. Л. 253.
38. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2.
39. ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 4. Д. 15. Л. 519- 520.
40. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 67. Л. 160.
41. ГАКО. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 46. Л. 155-156.
42. ТА ГУВД Кемеровской области, Ф.5. Д. 30261. Л. 36, 39, 42, 46.
43. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303. Л. 75.
44. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 61.
45. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 51.
46. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303. Л. 76.
47. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 195. Л. 62.
48. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 420. Л. 1, 8; (по данным Н.В. Земского -4281 человек).

Автор статьи:

Бикметов

Рашит Саитгараевич

-канд. истор. наук, доц. каф.
отечественной истории, теории и исто-
рии культуры

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н.Белянин

ПРЕДПОСЫЛКИ И ХАРАКТЕР ПРОЦЕССА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Необходимо и в Сибири столь же твердо, как и в Европейской России, стать на путь создания и укрепления частной собственности.

П.А. Столыпин.

Актуальным аспектом современной аграрной реформы является проблема частной собственности на землю и развития фермерства. В связи с этим, вполне оправданным является обращение к историческому опыту предыдущих аграрных реформ в России, из которых наибольший интерес у историков и экономистов вызывает столыпинская аграрная реформа.

Составной частью столыпинской аграрной реформы была политика поддержки индивидуальных форм ведения кре-

стянских хозяйств – хуторов и отрубов. В Сибири такая политика имела ряд отличительных черт, обусловленных спецификой региона и его статусом. Так, в Европейской России государство перешло к практике поддержки хуторов и отрубов после издания указа 9 ноября 1906 г., разрешавшим выход крестьян из общины, тогда как в Сибири существовало отдельное законодательство (Положение о крестьянах Сибири) и, таким образом, упомянутый указ на Сибирь не распространялся.

Создание хуторов и отрубов

в Европейской России проходило на основе становления института частной крестьянской собственности на землю, что было юридически оформлено указом 9 ноября 1906 г., законом 14 июня 1910 г. и положением о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Согласно данным нормативно-правовым документам, крестьянин в Европейской России имел право на выделение своего земельного надела из общины в отдельное хозяйство и закрепление за собой указанного надела в частную собственность. Отрубом называлось